

Анна ГРАНАТОВА

г. Москва

КАРЕЛЬСКИЕ СОСНЫ

*Иллюстрации Анны МИХАЙЛОВОЙ,
серия акварели «Карелия»*

Сосновые корневища напоминали щупальца спрута. Переплетаясь бурными кольцами, подобными извивавшимся в пыли питонам, они удерживали вечнозеленую корону от падения в пропасть. Эта сосна выросла на краю обрыва. Много лет тому назад ее принесло сюда с порывом ветра маленьким семечком. Потом дождь сбрызнул серую скалу каплями живительной влаги, и семечко проснулось, пустило корни и принялось бороться за жизнь. Таких, как оно, прилетело сюда на ледяных крыльях борея великое множество, но сегодня эта сосна с пушистыми зелеными иглами возвышалась единственной победительницей над бездной, в глубине которой журчал стремительный поток.

Здесь, на вершине безжизненной исполинской глыбы, не было ни капли прозрачной влаги, и горные ручьи сюда не прибегали, и подземные воды не поднимались. Несколько капель шального дождя, жиденские ручейки талого снега да еще влага, накопившаяся в каменистой почве, – вот и все, на что мог рассчитывать нежный росток, отчаянно борющийся за право превратиться со временем в прекрасное дере-

во. Свое право на жизнь молодой сосне приходилось подтверждать ежечасно, и несколько лет спустя оказалось, что рядом на скале не осталось ни единого ростка, жизнь которым подарил тот самый порыв северного ветра.

Впрочем, и этой сосне не суждено было стать стройной корабельной красавицей с золотистой корой и изумрудной кроной. То разворачивая ветви за солнцем, то прижимаясь к изломам скалы в поисках защиты и опоры, ствол сосны приобрел уродливую форму. И все эти завитки и извилины, узлы и перегибы сплелись в причудливый узор, напоминающий японские иероглифы шелкографии. И другие сосны, выросшие на иссушенной скале чуть поодаль, сплели свои ветви в замысловатые вензеля, но это уже были другие узоры и орнаменты, так что каждая из сосен, научившаяся на протяжении десятилетий ежедневно доказывать свое право на жизнь, оказалась абсолютно уникальна.

Неудивительно, что в культурах, исповедующих культ стойкости и мужественности, сосна столь популярна. Национальное дерево Японии, горная сосна символизирует человека, ко-

тогого можно согнуть, но не вырвать с корнем. Эстетика стойкости духа магически притягательна как для японца, так и для европейца. Кривые и уродливо изогнутые сосны на японских гравюрах кажутся нам прекрасными. И сколько бы японские мастера ни создавали пейзажей со скалистыми соснами на скользком шелке и рисовой бумаге, на это искусство всегда будет спрос, ибо самый отчаянный гедонист и последователь Эпикура не может не уважать философии стоицизма и волевой аскезы.

Парадоксален эстетизм в кривых стволах и петлях веток, похожих на темные корабельные канаты, наброшенные прочными узлами на чугунные кнехты причала! Разве природой не создано куда как более гармоничных картин, с жизнерадостным колоритом и логичными пропорциями «золотого сечения»? Зачем культивировать на полотнах отчаянные деревца, с трудом выжившие в борьбе, когда есть шикарные магнолии, торжественные каштаны, роскошные жасминовые заросли, благоухающие сирень и шиповник, изящество гибискуса и олеандра? К чему эти шершавые стволы, ползущие по скалам, словно разворошенные в гнездах змеи? Когда рубиновым ковром в горных долинах расстилаются дикие тюльпаны, и золотые нарциссы, и белоснежные лилии дремлют на голубом зеркале прозрачных заливов.

Кстати, немало этих природных созданий безжалостно уносится нами в дома огромными охапками и засовывается в глубокие вазы, и некоторые из них, перед тем как сгнить и засохнуть, становятся подопытным материалом для профессионалов. И тогда сочные груши и яблоки дразнят нас с полотен, и соцветия персидской сирени играют на холсте аметистовыми переливами, и никогда уже не увядающие розы удерживают на своих лепестках кабошоны хрустальной росы. И во всем этом совершенстве искусства обнаруживается лишь одно «но». Натюрморт. Что означает «мертвая природа».

А те сосны, растущие на скалах, – живые.

Почему же японские каллиграфы и живописцы предпочитают змееподобные сосны горных вершин всем другим, включая равнинные, корабельные, хотя пышные и дородные красавицы могут символизировать достаток и умиротворение. Разве ожесточенная борьба привлекательнее беззаботной идиллии?

Я шла по узкой каменистой тропинке внутри бесконечного изумрудного шатра. Мягко колышущиеся, подобные страусовым перьям театральной шляпы, вершины шумели над моей голо-

вой. Аромат дикорастущей сирени пьянил и будоражил, и в глубине чащи пересвистывались зяблики и пестрокрылые дрозды и серенькие трясогузки маленькими балеринками торопливо выбегали передо мной на бурый гравий. Солнце соломенным снопом лучей скользило по шершавым стволам, просачивалось сквозь кружево пятипалых кленовых листьев и разбегалось россыпью золотых бликов. Сквозь прогалины зеленого свода шатра проблескивали осколки неба, словно голубая смальта чудесной мозаики.

Дорога то резко поднималась, то уходила почти отвесно вниз, и тогда из-под моих ног струились шуршащим камнепадом крупные булыжники. Взору предстал старенький и слегка покосившийся мост с деревянными перилами и облупившейся белой масляной краской, со скрипучими досочками. Под мостом шепотом журчал ручей. Светло-серая, как перо вяхиря, змейка глинистого русла вилась глубоко внизу, и в этот овраг сходились беспорядочными рядами низкорослые елочки, и между ними проглядывали светло-салатовые пучки недотроги и темные круглые листья цикламена с полураспустившимися розовыми бутонами. А чуть поодаль, там, где ручей терялся в лесной чащобе, между деревьев торчали серые скелеты сухостоя.

Я вступила на мостик, и он жалобно отозвался скрипом иссушенных и потрескавшихся досок. Я шагала по деревянным половицам, словно по клавишам рояля, и каждый раз при моем шаге мост издавал протяжные и жалобные звуки, словно желая пожаловаться на свою горькую участь. Над мостом зеленый шатер внезапно закончился, солнечные потоки обрушились на мою голову, и пришлось невольно прищурить глаза. Предо мной во всем своем великолепии развернулся сказочный, по-персидски роскошный ковер, усыпанный соцветиями дикой земляники, белыми и крупными, с желтой сердцевинкой и деловито жужжащими дикими пчелами.

И все здесь демонстрировало расцвет и великолепие. И самоцветная россыпь дикого люпина, и тонкое ришелье лапчатки, и величаява стать усыпанных розоватыми смолистыми шишечками лиственниц с изысканно нежными веточками. И сосны, обрамляющие эту поляну, все как на подбор, поразительно похожие друг на друга, смотрели на меня гордо и независимо, чуть свысока, словно красотки подиума. Но этот пейзаж, столь популярный в многотиражных глянцевого журналов и в фотоальбомах любителей, почему-то не был в цене у восточных живописцев и каллиграфов, отдающих пред-

почтение уродливым соснам на голых скалистых вершинах.

Пересекая поляну, я погружалась в прохладную тень зеленых исполинов и натыкалась на огромные узловатые корневища. Шуршал песчаник, и на каблуки налипали рыжие иглы опавшей хвои. Белоснежные капельки ландышей угадывались среди зарослей лещины. Высохшая трава постепенно сменилась бурым покровом дубовой прошлогодней листвы, и в нос ударил запах прели, и на исполинских стволах обнаружился зеленоватый налет мха и появились сизые лишайники, напоминающие бороды старцев. И чем дальше я шла, тем глубже проваливались ноги, и тем больше земистой влаги выдавливалось из почвы при каждом шаге. И вот я уже натыкалась не на узловатые корневища солнечных сосен, а на бурелом мертвых елей, и нос мой улавливал запах грибницы и прелых листьев. А потом лес внезапно расступился, как театральная занавес, и передо мной показались круглые болотные кочки, словно подушечки швеи, обтянутые зеленым бархатом, но только вместо булавки из них торчали белые зонтики тысячелистника и сиреневые колокольчики. И на этих мшистых кочках обреченно стояли одинокие березы с редкими ветками и с обломанными верхушками. Назойливо пищали комары, и призывно стрекотали чечетки, тревожно перелетающие с одной березы на другую, и безжалостно жалили слепни. Продираться по зыбкой болотной жиже удавалось лишь в высоких ботфортах.

И насколько хватало глаз, впереди было только болото и болото, и за белыми переломанными березами начинались черные, как обугленные карандаши, карельские сосны, столь непохожие на те, что окружали земляничную поляну, и те, что выросли на скалах. Сосны карельского края выглядели такими разными! И, тем не менее, это была одна и та же карельская сосна, неузнаваемо измененная разной средой и жизнью.

И, глядя на эти черные, жалкие, почти лишенные зеленой хвои и медленно умирающие в трясине сосны, я думала о том, что подобный ландшафт вряд ли вдохновит живописца! Моховое болото со зловонной топью и скелетами сухостоя вряд ли рискнет изображать даже именитый художник, находящийся в добром расположении духа. В дождливый и туманный день черные сосны, умирающие на болоте заживо, кажутся исполинскими деревянными крестами. Изображать их на холсте все равно что живописать кладбище.

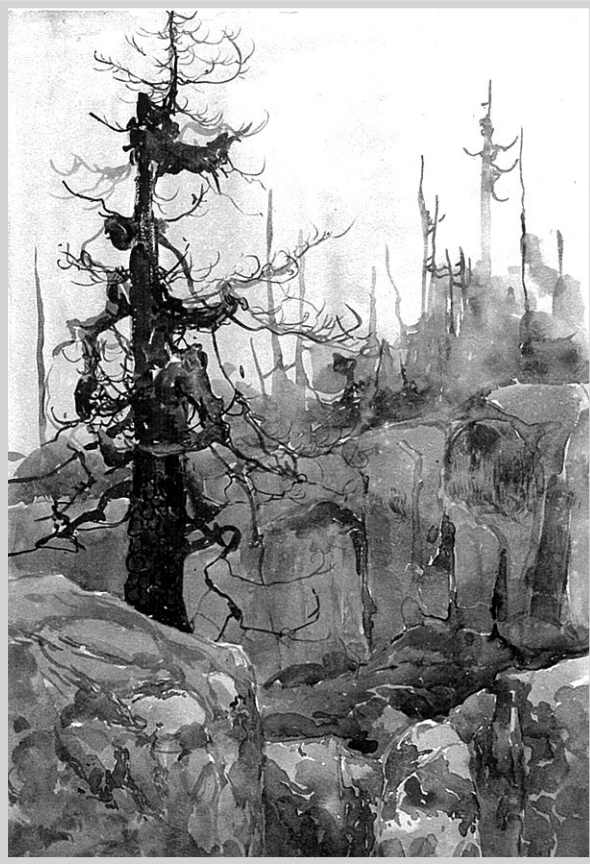
Мне было искренне жаль этих обреченных на гибель карельских сосен с искривленными ветвями, морщинистыми стволами, облысевшей кроной. Они замерли по колено в воде, словно преступники, приговоренные к медленной казни в тюремном зеноне, и не было для этих несчастных деревьев никаких перспектив и спасения.

Как же они оказались посреди кочек и хлюпающей под ногами мутной жижи? Неужто однажды шальной ветер принес и швырнул с размаху на болотные кочки охапку крылатых семечек и те не сгнили в лягушачьей вонючей жиже, а проросли и укоренились прямо на зыбких моховых подушечках и начали расти вверх, одновременно нащупывая корнями опору в илистой топи. И не находя ее.

Нет. Должно быть, все произошло чуть иначе. Это болото раньше было не болотом, а лишь частью прекрасного леса, возможно, шикарнейшей земляничной поляной или солнечным бором, столь замечательным местом, что с одним визитом борей на драгоценной поляне сразу же поселился целый лес молодых сосен. И всем поначалу хватало солнца и пищи. И молодым росткам не требовалось бороться за каждую каплю влаги, как тем несчастным соснам на скалах. И сочного торфа для всех находилось вдоволь, и солнца, и небесной росы, и высокий лес, возвышавшийся темной стеной чуть поодаль, надежно защищал от свирепого ветролома. И жизнь была сладкой, безоблачной, сытой. И казалось, что этому земному раю конца-краю не будет.

Но потом все переменялось. Поднялись грунтовые воды, и пробились глубинные ключи, и горные реки изменили русло. И солнечную землянику сменила черника, потом брусника и наконец кислая до оскомины клюква. И то, что было роскошной поляной, стало зловонной трясиной. Золотые стволы опутали сизая паутина мхов и лишайников, и весело цокающие белки перестали гоняться друг за другом, а шустрых синиц и зябликов сменили грузные глухари, но вскоре и те куда-то исчезли.

Родниковая вода, за живительную силу которой приходилось ежедневно бороться соснам на скалах, сыграла с их болотными родственниками злую шутку. На кромке болота, там, где сапоги вновь нащупывали твердую почву, картина внезапно менялась и взору открывались по-прежнему высокие, стройные, довольные жизнью деревья. И если бы у деревьев существовали социальные касты и зависть, подобный пейзаж был бы тому ярчайшим примером. Прекрасный бор уверенных в себе корабельных

сосен и – жалкое сообщество их уродливых родственников, обосновавшихся в двух шагах от них, но обреченных на гибель.

Болотные сосны, носящие с рождения имена деревьев Великого Леса, росли изначально прямыми и гордыми. Но потом все переменялось с предательски подступившими грунтовыми водами и то, что должно было дать дереву жизнь, принесло смерть. И однажды налетел суровый борей и провел своей жилистой морщинистой рукой по зеленым и сочным вершинам, и деревья земляничной поляны гибко склонились к земле, а эти, уже утянутые в топь и теряющие силу, остались стоять с обломанными ветвями. А борей возвращался и возвращался, обрушивая в неистовстве свои порывы, и с деревьями, погруженными в тину и ряску, произошло все то, что никогда не происходит с соснами на скалах, – и вот уже остались одни лишь голые почерневшие стволы, напоминающие обугленные карандаши на пепелище.

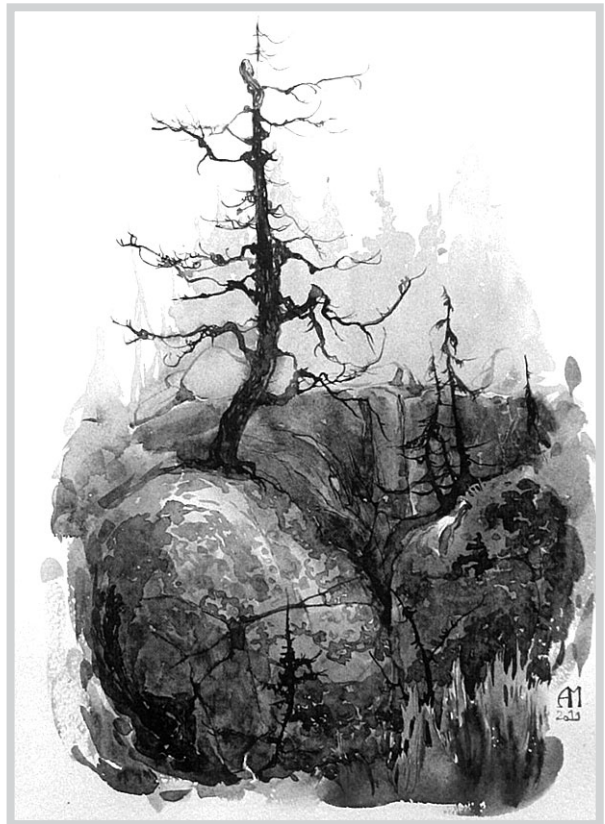
Я думала о том, что молодой росток избежит подобной участи, окажется он волею судьбы на

скале. Там каждая сосна растет в неизбежном одиночестве и приспособляется к стихиям еще крылатым зернышком. Скалистые сосны с рождения знают, что судьба ничего не дала им, на что можно полагаться, ни сочной земли, ни защиты от ветра, ни достаточного количества влаги. И они ластятся к древним скалам, к суровому камню, цепляются корнями за его непрístupные выступы и разворачивают свои ветви навстречу обманчивому северному солнцу.

Они ищут опору в самих себе. И они ее находят. И выигрывают схватку за жизнь.

И в своей остервенелой борьбе горные деревья обретают превосходство перед изначально сытыми и защищенными, выросшими в мире и благополучии целым бором на земляничной поляне, а затем оказавшимися в болоте. Деревья, носящие титул Великого Леса, изначально получив комфорт, не имели никакой опоры. Они ее и не искали вовсе.

Они думали, что жизнь стабильна и всегда найдется вдоволь сытного гумуса, и что теплые дни бесконечны. Они наивно верили, что доброе солнце будет всегда всходить на востоке и

садиться на западе розовым шаром и пару раз в неделю приплывут на серых облачных перинах прохладные дожди, а иногда в бор решит навестись загулявший ветер, и так будет изо дня в день, год от года.

Но однажды пробились холодные подземные ключи, и горные реки изменили свое русло, и залили солнечную поляну, и погубили ее.

Когда же на скалистые сосны обрушилась небесная стихия и ветер попробовал вывернуть их с корнем, то суровая скала не отдала борею свою зеленую корону. Древесные корни, подобные щупальцам морского спрута, приученные к борьбе, стойко удерживали холодный камень, и люди, пришедшие к скале, когда буря утихла и успокоилась, восхищенно качали головами и сочинили легенды.

Горная сосна изначально одинока и дает обет лишь себе самой. Она – создательница новых возможностей для жизни и вынуждена жить в постоянном недоверии и в гордой самодостаточности, вырастая высоко над скалой, в местах, недоступных ни для диких зверей, ни для топора дровосека – далеко от заурядных людей, чтобы не слишком слепить им глаза своей свободой и независимостью, ибо это всегда в тщедушных и мелких душонках вызывает разъяренную зависть.

Природа полна аналогий с миром людей и философских символов.

Близорукие люди видят в ярких личностях опасность для общества, называют их белыми воронами, гадкими утятами. Но время доказывает, что лишь способность быть непохожими на других дает возможность оказаться на передовой и почти наверняка сделать оригинальный вклад в культуру, искусство, науку. Только яркие личности способны принести реальную пользу человеческой цивилизации, изменить мир к лучшему.

Опасайтесь слушать малодушных. К ним следует быть добрыми, к ним требуется проявлять жалость и сострадание, но только ни в коем случае нельзя им доверять и прислушиваться к их советам. Они будут стремиться опустить вас до своего страдальческого и беспомощного уровня жизненных мыканий. Им хочется осознать, что не только они погружены в страдания, придающие их суетливой жизни глубокий смысл в собственных глазах, едва ли не миссию Христа, идущего на Голгофу!

Эти безвольные неудачники, лишенные способности мыслить, культивируют в себе выживание вместо жизни, зависть вместо уважения, чувство собственной неполноценности вместо

благородного восхищения другими, месть вместо великодушного прощения.

Мир лишен для таких людей красок.

Те, кто достиг процветания, кто дышит полной грудью, слепят им глаза. Таких они готовы убить, лишь бы не видеть этого сверкания, стремясь окружить себя бесконечной трясиной, с туманом и влажными дождями, без солнца и свежего ветра.

Помните, что сосны, растущие на болоте, обречены. И как бы многочисленны они ни были, ни одной из них в этой топи не выжить, и кладбищем черных, потрескавшихся крестов они обречены стать еще в пору своего расцвета и молодости. Опасайтесь оказаться среди них и почувствовать себя затянутыми трясиной!

Впрочем, справедлива ли в полной мере для мира людей метафора горной и болотных сосен? Дикая сосна подчинена природному инстинкту, она лишена нервной системы и не способна мыслить. И то, что для дерева – простой и естественный процесс, человек возвеличивает в философию аскезы. Мы приписываем дереву то, что ему не свойственно, и находим сакральные смыслы там, где их нет. Дерево не способно перешагнуть порог инстинкта, выйти за рамки генетической программы.

Человек – может.

Человек обязан нарушать границу природных инстинктов, если он хочет быть счастливым. У природы нет программы счастья, а лишь алгоритм естественного отбора. Вдохновленный корявыми горными соснами, выжившими вопреки стихиям, человек возьмет лишь эту программу борьбы. Эстетика японской шелкографии и акварели, силуэт корявого дерева, впившегося жилистыми корнями в иссушенный ветром камень, ограничены самурайской философией. Горные сосны на японских миниатюрах оживляют своими зелеными ветками мертвые скалы, но сами при этом не живут, а лишь выживают.

А человек создан для счастья и радости. Преодолев стихию, поднявшись во весь рост над скалой, следует распрямить свои ветви, раскрыть их навстречу солнцу и процветанию. Следует забыть годы тяжких лишений и пустить вслед за мощной корневой системой молодые ветви и покрыться благоухающими цветами.

Надо забыть годы тяжких самоограничений и, окружив себя ореолом волшебных цветочных ароматов, украсить свои ветви гирляндами сочных плодов.

Но сосна не способна цвести, подобно розам, сирени, жасмину, магнолии. Горная сосна не

умеет плодоносить, как яблоня, груша, слива, гранат, манго, персик. Ее твердые, словно черепаховый панцирь, шишки жестки, несочны, невкусны.

Однако, для того чтобы перейти от выживания к процветанию, следует пойти на риск. Отказаться от такой ценности, как стабильность и постоянство, – непростая жертва!

Так, многих из нас засасывает трясина.

Сила дикой горной сосны на скале – в ее гибкой способности приспосабливаться к постоянным переменам, когда ее ежедневно то хлещет дождь, то гнет ветер, то иссушает солнце и она вынуждена, имея опору лишь в одной самой себе, привыкать к ситуации постоянного риска и эти ежедневные риски превращать в опьяняющий стиль своей жизни превосходства над пропастью. На человеческом языке подобное именуется азартом, адреналином, драйвом, куражом. Там, где постоянство для лесных сосен проявляется в рутине и депрессивном однообразии, для горной сосны постоянство – в ежедневной новизне и свежести впечатлений.

Это и есть творчество.

Это – возможность жить полной жизнью.

Впрочем, научив нас искусству выживать, горные сосны не могут научить нас расцвету. Остановившись возле скалы, в атмосфере выживания, мы ограничим свою энергию лишь только борьбой и свою силу урежем в разы по отношению к тому, на что мы в действительности способны.

А каждый из нас способен на многое.

Да, мы подчас увешиваем акварельными пейзажами карельских болот и японскими гравюрами скалистых сосен свои квартиры и офисы, и этот культ самурайской схватки со смертью нас напрочь отодвигает от культа жизни.

Так появляется бессмысленный и непреодолимый барьер между аскетизмом и полнокровным счастьем.

Мы так гордимся своей способностью выжить в самых суровых, подлых, коварных и жестоких условиях, что напрочь забываем о своем творческом развитии. Подобно горным соснам, мы забываем о том, что существует не только время роста, но и пора цветения, и мы не можем себе даже представить, как наши ветви покроются благоухающими бутонами.

А иногда мы так боимся расстаться с гордым званием выжившего, что пора сочных плодов и вовсе становится недоступной. Как-никак, а «выживший в тяжелой борьбе» – это звание, титул и знак отличия. Это доблесть и достижение,

которыми можно гордиться, и мы носимся с этой незримой медалью «выжившего бойца», даже когда уже следует думать о новых горизонтах будущего.

Вместо того чтобы ставить способность выживать во главу своего характера, лучше бы относиться к ней как лишь к одному из многих своих достоинств! Человек заслуживает медалей и наград за то, что он одержал победу над смертью. Но когда угроза миновала, бессмысленно продолжать себя называть именами, полученными в самую суровую пору своей жизни!

Культ вечной аскезы, самурайской стойкости создает настрой ума, который нас ставит в определенные рамки. Выстраивание своей самобытности на подвигах, утратах, победах в схватке со стихией, борьбе не на жизнь, а на смерть, и прочему, что способствовало трудным временам, делает нас крепкими, как сосновые корневища. Но именно это и становится для нас препятствием к процветанию и неосознанно продолжает нас тянуть в прежний стиль – выживания, подобно тому, как горная сосна навсегда приросла к одной-единственной каменистой глыбе.

Для природы, подчиненной инстинктам, не существует творческого вдохновения, полета мысли. Свое развитие она находит лишь в физиологическом продолжении рода, в потомстве существ, обладающих тем же самым генетическим кодом и точно так же лишенных способности мыслить и чувствовать счастье.

У человека – иначе. Наше сознание способно создавать параллельные миры и обретать радость познания и творения в произведениях искусства и литературы. Радость творчества свойственна только людям. И потому столь важно не только выжить, но и раскрыться в своем творческом потенциале, оставить после себя духовное детище.

На первую, природную, ступеньку – оставить биологическое потомство – поднимаемся практически мы все, но вот духовное дитя способны создать немногие. Однако именно это дело избранных и способно изменить мир к лучшему и дать опору в жизни другим людям, а не только самим себе.

Многие из нас носят в себе архетип цепкого растения, которое, вопреки всему, несмотря на отсутствие солнечного света, тепла и влаги, храбро выпускает упрямые веточки. Но глупо без конца твердить себе о том, что ты выжил, иначе ничего нового не появится на свет и пора цветения никогда не наступит. Остаться с архетипом выжившего дольше, чем это необходимо,

– значит сжиться с архетипом раненого. Только оставив свою душевную рану в памяти, можно вступить в пору процветания, – а именно в этом наше предназначение на земле! Пора прекратить опираться на этот архетип горного дерева как на костыль! Следует воспользоваться, наконец, избытком тепла и света, покрыться густой листвой и тяжелыми гроздьями цветов, словно японская сакура.

Это означает, что в своей жизни надо суметь открыть перспективу.

Эстетизация горной сосны, национального дерева Страны восходящего солнца, чье название по-японски созвучно слову «ждать», созывает мертвые тени и призраки прошлого, и следует суметь провести грань между этим миром и перейти к другому архетипу – цветущей вишни.

Аметистово-розовая сакура – символ пробуждающейся жизни, зацветает весной одним из первых деревьев, пробуждаясь от зимнего сна. И поэтому сакура – символ восхода, перспектив и новых горизонтов.

Где взять силы для радости? Как открыть свою перспективу?

Спросите у природы. Она многогранна. В ней есть не только болотные и горные сосны, но и дивные альпийские луга, есть поляны, благоухающие цветами, и широкие равнины, и бескрайние степи, и горячие пустыни, и непролазные джунгли.

Многомерность, подобная природному ландшафту, открывает в нас внутреннюю колористику.

И когда перед твоим мысленным взором предстают эти сменяющиеся друг друга радужные ландшафты, ты понимаешь, что твой черно-белый мир городского муравейника – маленький и ущербный и его легко может пошатнуть и разрушить любая мелкая неприятность. А когда ты раздвигаешь свое сознание до масштабов вселенной, то прежние кухонные горести теряют всю свою значимость.

Наш мир – зеркало наших мыслей и архетипов, что мы держим в своей образной памяти. Быть горной сосной или же деревом на болотной топи, японской цветущей сакурой или каким-то другим природным созданием – мы сами выбираем эти идеалы, определяя тем самым свой образ жизни, перспективы и счастье. Болото или горы, тайга или альпийский луг – каждая из систем координат выбрана нами, и мы вольны ее поменять, желая гармонии, новизны, радости.

Процветание, а не просто выживание – вот то право, что все мы получаем, едва родившись на свет. Реализуем его мы или нет? Это наш выбор.

Петрозаводск (Карелия), июнь 2013

□

Анна Анатольевна ГРАНАТОВА

родилась в Москве.

Окончила факультет психологии МГУ,

факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького.

Работала в изданиях холдинга Юлиана Семёнова

«Совершенно секретно», в газетах «Куранты»,

«Независимое обозрение», «Россия», «Новый меридиан» (США),

в «Литературной газете», на телеканале «Россия»,

в журнале «Итоги»,

редактором историко-аналитической программы

«Время России» («Говорит Москва»).

Автор ряда книг, член Союза писателей России с 2010 г.,

член Московского союза журналистов

и Международного союза журналистов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

